

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

Оформление обложки *Н. Кудри*

Горелик, Людмила Львовна.
Г68 Взлетающий Демон Врубеля / Людмила
Горелик. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. —
(Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-109586-4

Художник Врубель всей душой любил поместье Талашкино, где он частенько гостил у меценатки княгини Марии Тенишевой. Именно там он написал свою картину «Взлетающий Демон» и именно там картина была утрачена на долгие годы... Привезшая на экскурсию в Талашкино своих студентов Елена Шварц случайно обнаруживает труп молодого мужчины, во рту у которого газетный лист, свернутый в виде папиросы. Вскоре выясняется, что убитый — реставратор, приехавший восстанавливать храм. Его дедом был известный советский художник Александр Тиунов — выпускник талашкинской школы, открытой для крестьянских детей хозяйкой усадьбы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горелик Л. Л., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-109586-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

ЭКСКУРСИЯ В ТАЛАШКИНО

Как обычно бывает, студенты, вначале с энтузиазмом откликнувшись на идею совершить экскурсию в Талашкино, ко времени поездки энтузиазм растеряли. Время было, конечно, не самое удачное. Выбраться сумели только в конце учебного года, перед сессией. В четверг на последнем занятии староста Виталий передал Елене Семеновне окончательный список: поедут девять человек, полгруппы. Хорошо, что она сообразила маленький автобус у проректора просить — так и знала, что не все поедут. Все же для порядка сказала:

— Поначалу четырнадцать записывались.

— Витя и Настя заболели, еще двоим домой съездить понадобилось — пятница, сами понимаете... Да и сессия начинается, «хвосты» у некоторых, — оправдываясь, водил пальцем по списку староста. — Костя Разумов обещал прямо там подойти — он сейчас живет в Талашкине, родители дом купили.

Выехали в начале десятого. Июньские деньки стояли теплые, но не очень жаркие. Утрен-

нее солнце светило ласково. Студенты обменивались шутками, смеялись. У Елены Семеновны тоже улучшилось настроение, она включилась в общий веселый диалог. За окном мелькало Рославльское шоссе, то совершенно голое, с вытянутыми шеями бетонных фонарных столбов, то с чудом сохранившимися большими старыми деревьями по обочинам.

Деревья-то старые, а листва у них молодая, нежно-зеленого цвета.

«Вот и я так!» — подумала Шварц и усмехнулась неожиданному для нее поэтическому сравнению.

Елена Семеновна Шварц женщина трезво-мыслящая, к сентиментальности не склонная. По возрасту она давно уже пенсионерка, в университете ведет небольшую почасовку в журналистских группах. Эту подработку она взяла не только ради денег, а скорее потому, что скучала без преподавательской работы. Она привыкла иметь дело с молодежью — всю жизнь в энергоинституте английский вела — поэтому с радостью согласилась поработать один семестр, тем более университет рядом с домом. С журналистами ей понравилось даже больше, чем с технарями. С этими она не об энергоснабжении, а о культуре стала беседы на английском проводить, что было ей интереснее. Тут и выяснилось, что некоторые третьекурсники в Талашкино еще ни разу не съездили.

И энергичная Шварц тотчас организовала экскурсию.

Автобус остановился: въезд на территорию музея запрещен. Вправо от шоссе уходила запущенная аллея огромных старых лип. Дорога вела вверх, хотя и не круто. Студенты шли весело, легко, Елена Семеновна тащилась сзади, к концу заметно отстала. Староста Виталий замедлил шаг, пошел рядом с ней.

Вот и памятник Марии Клавдиевне. Эту скульптуру не так давно здесь поставили. Знаменитая меценатка встречает гостей в своем имении.

— Это ведь родовое имение Тенишевых? — спросил Виталий.

— Нет. Муж Марии Клавдиевны купил его в тысяча восемьсот девяносто третьем году у ее подруги детства, Екатерины Святополк-Четвертинской. А вот для Екатерины это имение было родовое — она урожденная Шупинская, им село было даровано в восемнадцатом веке. Однако денег у Екатерины Константиновны на его развитие не хватало. А она многое в селе усовершенствовала — развивала молочное хозяйство, коневодство... Екатерина очень хотела именно Манечке имение продать, так как знала, что при Тенишевых ее начинания не пойдут прахом, будут продолжены на благо общества. Они обе этим отличались — беспокоились и о крестьянах, и о родной земле.

— Значит, Тенишева была богата?

— Скорее не она сама, а ее муж, Вячеслав Николаевич. Он был тоже очень образованный человек. И порядочный. Уравновешивал энтузиазм жены своей деловой трезвостью. Но при всей деловитости меценатство и ему было близко. Про Тенишевское училище в Петербурге слышали? Его дело!

Студенты уже толпились возле дверей школы, пересмеиваясь и толкаясь, и Елена Семеновна, оставив Виталия, ускорила шаг: ей нужно было найти экскурсовода. Экскурсию она заранее заказала по телефону. Шварц не первый раз возила сюда студентов. Показывали всегда сельскохозяйственную школу, а потом спроектированный художником Малютиным Теремок, где теперь собрана коллекция художественных изделий талашкинских учеников. Храм экскурсанты осматривали сами.

В школьном классе стояли грубо сколоченные парты, керосиновая лампа на столе учителя, учебные пособия столетней давности... На то, что школа не совсем обычная, а сельскохозяйственная и отчасти ремесленная, указывали экспонаты: плуг, какие-то рубанки, швейная машинка, фрукты и овощи из пластмассы.

Экскурсовод предложила устроиться за партами.

«Похожие парты еще и у нас были, когда я в школе училась», — подумала Елена Семеновна, усаживаясь.

— После приобретения Талашкина княгиня почти сразу задумала устроить сельскохозяйственную школу для крестьянских детей, — начала повествование экскурсовод. — Однако в Талашкине это осуществить было трудно: там уже много всего имелось — и молокозавод, и оранжереи, и конезавод... В общем, через год с небольшим Тенишевой удалось присоединить к талашкинскому имению расположенное рядом Фленово. Здесь-то и была основана Талашкинская сельскохозяйственная школа для крестьянских детей. Осенью тысяча восемьсот девяносто шестого года в нее пришли первые ученики...

Глава 2

САВОСЯ ТИУНОВ ПОСТУПАЕТ В ШКОЛУ

— *Маня, больше нельзя набирать!* — *Святополк-Четвертинская, раскрасневшая, счастливая, подошла к Тенишевой.* — *Все места уже заполнены, мы больше не можем взять!*

— *Да, Киту,* — *кинула Мария Тенишева,* — *подумать только, как изменилось отношение простых людей к школам! Не только не приходится уговаривать, но и мест не хватает — везут детей целыми семьями.*

— *Тех сирот я все же записала...*

— Да-да, сирот в первую очередь! Их мы берем на полное обеспечение. Некоторые издалека приехали, так рано, чуть не с ночи... Они уже голодные, конечно, а обед не скоро. Я раздам хотя бы бублики и пряники.

Дети, в большинстве державшиеся поначалу робко, после молебна в здании школы расхрабрились. Некоторые разошлись по территории, оглядывая недавно посаженный яблоневый сад, новые постройки. Полученные от княгини бублики жевались с удовольствием, на ходу.

— Ваше сиятельство, — к Марии Клавдиевне подошла группа маляров. Говорил старший артели.

«Митяем, кажется, его называли», — припомнила княгиня.

— Так что работы завершены, поглядите сами, славно как вышло!

Тенишева улыбнулась. Она уже смотрела постройки, работа маляров ей нравилась, и они знали об этом. Теперь, выбрав удачный, по их мнению, момент, эти молодые рабочие явно надеялись получить сверх договора, «на водку». Что ж, пожалуй, заслужили! Мария Клавдиевна открыла сумочку. После положенных благодарностей Митяй, продолжая кланяться, но уже расхрабрившись, попросил, указывая на стоявшего рядом с рабочими пацана:

— Ваше сиятельство, а мальчонку нашего, Савосю, Сашку тоись, не возьмете в шко-

лу? У него мать четыре месяца как сгинула — странница была, богомолка, на Ходынке пропала — крестьянка Матрена Тиунова. Погибла, должно. А батька раньше умер. Способный пацанчик: по дереву резать научился, узоры придумывать может, колер, если надо, сам подберет...

Княгиня посмотрела на мальчика. Лицо шелушится от загара, где кожа облезла — веснушки, и руки загорелые, тоже шелушащиеся — на солнце малярничал. Выцветшие волосы пострижены неровно. На срезах кончики торчатся — видно, сегодня постригли. Одет бедно, но чисто. Маляры вообще подошли к ней по праздничному — не в рабочих, заляпанных краской одеждах; готовились, конечно. Митяй и еще двое в сапогах. Что ж, молодцы, так и надо.

Мальчик тоже был в свежей ситцевой рубашке, даже босые ступни довольно чистые. Штаны коротковаты, и видны худые щиколотки, еще не успевшие покрыться пылью.. Смотрел он на княгиню смело, но с вопросом, с просьбой даже в глазах. И картуз в руках сжимал слишком сильно, мял его от волнения.

«На вид ему лет девять, — размышляла княгиня. — Взгляд смысленый, и по возрасту подходит».

— Саша, хочешь в школу? — обратилась к мальчику Мария Клавдиевна. — Ты сам-то хочешь?

Ребенок ответил неожиданно смело:

— Да, ваше сиятельство, хочу. Я маляром хочу или столяром стать — чтобы узоры красивые делать. Или, может, краской рисовать...

Княгиня кивнула:

— У нас будет непременно и ремесленное отделение.

Эта мысль только что, в процессе разговора, оформилась у нее в голове, но закрепилась быстро, так как зрела давно. И Мария Клавдиевна уверенно добавила:

— Да, кроме сельскохозяйственных специальностей будем ремеслам обучать: мальчиков — столярному делу, девочек — вышиванию.

«Набор уже закончен, — размышляла она между тем. — Однако мальчишка этот, видно, неплохой, да и, главное, сирота, куда ж он пойдет? Пусть учится пока. Если с малярами этими от заказа к заказу переходить будет, то сохнет скоро».

Распрощавшись с довольными малярами и взяв мальчика за руку, она повела его к Киту.

— Нет больше мест, Маня! Если берем его, — она кивнула на Сашу, — надо расширять смету. Впрочем, и без того, с учетом мастерских, первоначальные расчеты придется корректировать. Согласится ли князь?

Киту говорила, как всегда, спокойно. Их дружба, начавшаяся еще в детстве, была гармонична и безмятежна именно потому, что

подруги хорошо дополняли друг друга. Сдержанная, обстоятельная Киту уравнивала яркую, иногда излишне эмоциональную Маню. Именно поэтому да еще памятуя об организационных способностях Святополк-Четвертинской, ее опыте в осуществлении хозяйственных преобразований, проницательный князь предложил Екатерине Константиновне оставаться в Талашкине и совместно с Марией Клавдиевной руководить хозяйством.

— О, не беспокойся! — улыбнулась Маня. — Князь, думаю, не будет возражать, я его уговорю!

Через час Савося Тиунов, наделенный таким же, как у других детей, бубликом, бродил вокруг школы. Он хорошо знал все хозяйственные постройки — и школу, и общежитие со столовой. В общежитии, где теперь он будет жить, он сам кое-что вырезал и красил. Вот этот наличник, например, — его рук дело! Зря дядя Митяй, старший артельщик, ему тогда подзатыльник дал... Савося нарочно покрасил наличник краской немного другого оттенка, чем велели, — и красивше вышло, вон как сияет! И Васька, и другие маляры тогда сказали: Митяй, не бей мальца, и так сойдет, красивше даже вышло — правильно он колер подобрал! А теперь Савося сам здесь жить будет, за этими наличниками — это же для школьников хата, туда вчера кровати заносили... Спасибо дяде Митяю

и Ваське, и другим — определили его, не бросили. Мальчику стало немного грустно: привык он уже малярничать с артелью.

— Чего разглядываешь? — услышал он рядом. Мальчишка такого же роста, как он, — чернявый, курносый, в выцветшей ситцевой рубашке, стоял рядом. — Тебя тоже приняли? — он кивнул на Савосин надкусанный бублик.

— А как же! А тебя?

— Меня тоже! Я солдатский сын, меня и взяли. Я только бублик уже съел, а и мне княгиня дала... Добрая... Меня аж из-под Ельни мамка привела! Пошла уже назад, путь неблизкий. Я теперь здесь жить буду. А ты? Почему тебя взяли?

— Я сирота. Мамка на Ходынке сгинула. Я с малярами работал — красить умею, колер подбирать! — Савося принял очень уверенный вид. — Конечно, и я здесь теперь — где же еще?! А я эти наличники красил! — все же не удержался, похвастался он, кивнув на дом. — Меня Сашкой кличут. А можно Савосей. Меня мамка Савосей звала.

— А я Артем Нестерук, Артюшка значит. И еще еды сегодня дадут! Та барыня, что записывала, сказала: «Не уходи далеко. Скоро будет обед». Накормят, тоись.

Сашка кивнул. Накормят — это хорошо. Хотя он с малярами ел сегодня утром тюрю на квасе и еще не сильно проголодался.

Они вышли на полянку за недавно посаженным яблоневым садом. Дорога вела в Талашкино, к господскому дому. Под березой усатый барин с большим носом увлеченно рисовал на холсте. Холст был закреплен на высокой планке, так, чтобы художнику удобно было дотянуться.

Савося уже видел этого художника, он гостил у княгини. У нее всегда много гостей — ходят по парку, рисуют. Мальчики остановились поодаль, вытянули шеи, чтобы взглянуть на холст, пока барин их не заметил. На холсте было что-то непонятно-зеленое, размалеванное разными оттенками. Художник не красил ровненько, не водил кистью — как в артели маляры делали — а резко бросал кистью краску, опять возвращался к палитре, мешал краски, другим оттенком подмазывал...

Саша вздохнул. Эх, если б ему разрешили хоть раз провести кистью так свободно, мешая оттенки по туго натянутому холсту!

Глава 3

РОКОВАЯ ПРОГУЛКА

— Если вопросов больше нет, можете пройти к храму, — завершила экскурсовод.

— Простите, а вы не могли бы нас и туда тоже сопроводить? — набралась храбрости Елена Семеновна. — Мы оплатили полную экскурсию!